

всемъ этомъ все же внимательно прислушивающійся къ церковной жизни всей Россіи, «Путь» безусловно представляет собою од-

но изъ самыхъ существенныхъ явленій духовной жизни эмиграции.

Ф. Степунъ.

Идеологія новаго еврейства

Девятнадцатое столѣтіе было во многихъ отношеніяхъ рѣшающимъ въ развитіи еврейской общественности и еврейской общественной мысли. Начало его знаменуется почти повсемѣстнымъ разрушеніемъ того гетто, которое еврейство принесло съ собою въ Европу съ перваго момента своего изгнанія изъ Азіи. Не существуетъ, что юридическое гетто возникло въ позднемъ средневѣковѣ и изображается официальной исторіей, только какъ насильственное огражденіе евреевъ враждебными имъ силами отъ внѣшняго міра, какъ мало существенно и то, что юридическое гетто сохранило свою силу вплоть до первыхъ десятилѣтій 20-го вѣка. Еврейскіе кварталы, желтая нашивка на рукавѣ, ограничительное законодательство являются лишь слабымъ формальнымъ и извращеннымъ отраженіемъ того внутренняго процесса, который еврейство продѣлало въ цѣляхъ самосохраненія и который держалъ его скованнымъ въ теченіе двухъ тысячелѣтій въ тяжелыхъ и спасительныхъ цѣпяхъ религіознаго формализма. Сознаніе своей обособленности, божественной избранности, священнаго долга хранить незапятнаннымъ божественный законъ и его носителя Израиля и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе ежеминутно грозящихъ смертельныхъ опасностей и необходимости оградить себя непрохо-

димой пропастью отъ всей остальной Европы — такова основная ось еврейской исторіи отъ разрушенія втораго храма вплоть до начала прошлаго столѣтія. Въ этой основной оси заключаются то дѣйствительное гетто, въ которомъ жило еврейство въ Европѣ и которое прервалось только одинъ разъ, на два-три столѣтія расцвѣта мауританской культуры на пиренейскомъ полуостровѣ. Глубокія внутреннія религіозныя теченія, пережитыя еврействомъ за этотъ періодъ, если и вступали въ рѣшительную борьбу съ религіознымъ формализмомъ, въ борьбу, изъ которой неуклонно выходили побѣжденными, все разыгрывались внутри стѣнъ гетто и въ задачу ихъ не входило вывести еврейство на всесвѣтскую арену, сдѣлать его активнымъ факторомъ общечеловѣческой религіозной жизни. Кто выходилъ изъ гетто, тотъ выходилъ и изъ еврейства.

Это то духовное гетто и начало разрушаться въ концѣ 18-го и въ началѣ 19-го вѣка съ стремительной быстротой, несмотря на то, что юридическія его основы сохранили свою силу для большинства еврейскаго народа еще въ теченіе болѣе столѣтія. Соприкосновеніе внѣшняго міра съ гетто произошло такъ неожиданно, стѣны его пали въ такой степени независимо отъ подготовки и воли

его обитателей, что результаты этого соприкосновения, в первый период, оказались совершенно неожиданными. Съ небывалой силой обнаружилась тенденция отказа отъ всего духовнаго наследства, до сихъ поръ покорно передаваемого изъ поколѣнія въ поколѣніе. Начало девятнадцатаго вѣка открыло собой такимъ образомъ наиболее острый кризисъ всей исторіи еврейства; не хватило однако всего столѣтія, чтобы разрешить его. Кризисъ привелъ къ частичному распаду западноевропейскихъ частей еврейства; онъ же вызвалъ глубокія потрясенія восточно-европейскаго еврейства, которое, однако, въ силу особыхъ историческихъ условий, оказалось болѣе стойкимъ въ борьбѣ за свое дальнѣйшее самостоятельное существованіе, какъ національно-культурно-религіозной единицы.

Кризисъ еврейской мысли, отражающій этотъ общественный надломъ, только формально соприкасается съ тѣмъ, что обычно понимается подъ еврейскимъ вопросомъ — преслѣдованія, погромы, антисемитизмъ. Какъ разъ первыя двѣ трети девятнадцатаго столѣтія отличаются въ этомъ отношеніи чрезвычайнымъ оптимизмомъ — провозглашенное французской революціей равноправіе евреевъ казалось только первымъ шагомъ, который неизбежно повлечетъ за собой полное устраненіе какихъ бы то ни было различій между евреями и народами, среди которыхъ они живутъ. Но съ момента исчезновенія вышнихъ перегородокъ и начинается собственно для современной еврейской мысли настоящій еврейскій вопросъ. Если выдвинуть ядро еврейской проблемы изъ той скорлупы, которую

ее окружили вышнія явленія, по существу характерныя скорѣе для европейской культурной проблемы, чѣмъ для еврейскаго вопроса, то его можно будетъ формулировать приблизительно слѣдующимъ образомъ: предполагая полное и реальное устраненіе всѣхъ тѣхъ враждебныхъ перегородокъ, которыя еще поддерживаются между евреями и окружающими ихъ народами, найдутся ли въ еврействѣ силы для его дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія и надо ли разсматривать это его дальнѣйшее существованіе, какъ положительное или отрицательное явленіе? Если еврейство можетъ и должно продолжать свою жизнь и внѣ юридическаго и духовнаго гетто, каковы взаимоотношенія между этой новой еврейской жизнью и тѣми традиционными силами, которыя поддерживали его существованіе въ періодъ гетто, между нарождающимся новымъ еврействомъ и «еврейской исторіей» или, что при нынѣшнихъ историческихъ условіяхъ означаетъ почти что то же самое, между еврейской интеллигенціей и еврейской массой? Каковы взаимоотношенія еврейства и человѣчества?

Вокругъ этихъ вопросовъ движется значительная часть общественной мысли еврейства и известная часть его художественнаго творчества въ теченіе всего послѣдняго столѣтія и одна возможность ихъ постановки указываетъ на глубоко ненормальное его положеніе. Правда, чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ вопросы о «желательности» и «цѣлесообразности» дальнѣйшаго существованія еврейства уступаютъ свое мѣсто вопросамъ о болѣе нормальномъ устроеніи еврейской жизни,

т. к. проблема самого существова-
нія теряет свою остроту въ не-
посредственной близости къ еще
стойкимъ народнымъ массамъ. Но
на Западѣ Европы вопросъ этотъ
ставится непрерывно и въ теченіе
всего прошлаго столѣтія одинъ
отвѣтъ смѣнялся другимъ; про-
блема превращается, въ послѣднее
время, во все болѣе жизненную и
для востока Европы, въ связи съ
все большимъ разрушеніемъ его
и бытового и юридическаго гетто.

Еврейская «миссія», которая мо-
жетъ быть выполнена только при
сохраненіи теперешняго разсѣянія
евреевъ; рѣтвореніе еврейскаго
народа въ окружающихъ наро-
дахъ; его расчлененіе на отдѣль-
ныя территориальныя группы
(французскую, нѣмецкую, рус-
скую и т. д.) безъ жизненной связи
другъ съ другомъ, но съ жизнен-
ной связью съ народомъ, на дан-
ной территоріи обитающимъ; сое-
диненіе различныхъ группъ еврей-
ства по чисто религіозному
принципу, но ихъ расчлененіе
по національному признаку;
непоколебимая преданность буквѣ
Закона и непримиримая замкну-
тость въ гетто; реформа еврейска-
го культа и частичное приближе-
ніе его къ господствующимъ въ
Европѣ церквамъ; сохраненіе ев-
рейской національности въ стра-
нахъ разсѣянія безъ или при помо-
щи извѣстнаго юридическаго аппа-
рата — «національной автономіи»;
объединеніе всемірнаго еврейства
на почвѣ національной солидарно-
сти и возстановленія національнаго
центра въ Палестинѣ, — таковы,
въ общихъ чертахъ, основныя раз-
рѣшенія, которыя еврейская мысль
давала на еврейскую проблему. Бо-
лѣе или менѣе жизненными изъ
нихъ оказались только два отвѣ-

та : національно - автономическій
въ странахъ разсѣянія и возста-
новленіе еврейской Палестины.
Фаталистически - фанатическая
преданность Закону оказалась не
въ силахъ предохранить еврейство
отъ разрушенія или приостановить
уже начавшееся — въ борьбѣ со
всей духовной и матеріальной
сложностью современности она
оказалась уже недостаточными до-
спѣхами. Всѣ же остальные отвѣ-
ты приводили въ конечномъ счетѣ
къ тому, съ чего начиналъ самый
крайній и съ извѣстной точки зрѣ-
нія самый послѣдовательный изъ
нихъ: къ полному растворенію ев-
рейства среди окружающихъ его
народовъ. Не трудно предвидѣть
время, и оно наступитъ тѣмъ ско-
рѣе, чѣмъ слабѣе будутъ стано-
виться факторы, насильственно и
искусственно держащіе еврейство
въ обособленности, когда все ев-
рейство разобьется на два лагеря:
національное и аціональное,
при чемъ послѣдній лагерь авто-
матически и въ силу самаго своего
характера, самихъ своихъ предпо-
сылокъ, осужденъ на постепенное
уменьшеніе и исчезаніе. Но уже и
теперь національная еврейская
мысль, особенно въ ея палестин-
ской формѣ, является, несомнѣнно,
однимъ изъ наиболее значитель-
ныхъ факторовъ еврейской духов-
ной жизни.

Съ своей стороны, и въ палес-
тинскомъ движеніи, принявшемъ
опредѣленныя политическія фор-
мы въ послѣднее десятилѣтіе про-
шлага столѣтія, различныя теченія
— отъ филантропическаго черезъ
всѣ градации національнаго вплоть
до религіознаго и социальнаго —
борются другъ съ другомъ и диф-
ференціація между ними становится
все глубже, чѣмъ ближе къ дѣй-

ствительности является осуществление палестинского идеала. Движение, обычно кратко называемое сионизмом, зародившееся, в своей теперешней политической формѣ, по инициативѣ западно-европейской интеллигенции, приобретаая все большее число adeptовъ среди широкихъ народныхъ массъ и нынѣ очень далеко отъ своей примитивной концепции. Внутренне развитие палестинскаго движенія характеризуется въ особенности именами двухъ писателей — Ахадъ-Гаама и Мартина Бубера. Работы въ особенности этого послѣдняго занимаютъ въ настоящее время центральное мѣсто во внутренней идеологической жизни сионистическаго движенія.

Буберъ (родился въ 1878 году) подвергаетъ пересмотру всю идеологию и еврейства и еврейскаго движенія. *). Первый вопросъ, который онъ ставитъ, очень рѣшительный и вмѣстѣ съ тѣмъ, для начала, наиболѣе важенъ: почему собственно мы, носители новаго еврейства, остаемся евреями? Потому-ли только, что этого хотятъ другіе, окружающіе насъ, силой

*) Слѣдующія работы Бубера особенно характерны для его основныхъ идей: *Drei Reden über das Judentum, Die jüdische Bewegung* (2 тома). *Vom Geist des Judentums, Der heilige Weg, Cheruth, Mein Weg zum Chassidismus, Die Legende des Baalschem, Die Geschichten des Rabbi Nachman, Der grosse Maggid und seine Nachfolge*. Изъ работъ Бубера, посвященныхъ не-еврейской проблемѣ, существенны для его пониманія: *Daniel; Ereignisse und Begegnungen; Die Rede die Lehre und das Lied* и серия брошюръ *Worte an die Zeit*.

и насиліемъ заставляющіе насъ хранить свое еврейство? Враждебность окружающаго насъ міра, его желаніе отдѣлиться отъ еврейства и помѣшать его сліянію со средой, является моментомъ столь негативнымъ, что не могло бы послужить средствомъ въковой спайки, позитивнаго союза; могло бы вызвать самое большее союзъ обороны, не способный ни на какое позитивное творчество и совершенно лишенный содержания для новаго еврейскаго поколѣнія, которому въ сущности уже открыта дорога къ міру науки, искусства, духа другихъ народовъ. Но мы евреи и остаемся евреями, говоритъ Буберъ, и не по вялой пассивности, только потому, что евреи были наши отцы — никакое наследство, переданное прошлыми поколѣніями, не могло бы выдержать анализа и натиска нашей мысли и чувства, неустанно ищущихъ вѣчной и новой правды: Еврейство имѣетъ смыслъ для современнаго еврея только постолько, поскольку оно является для него внутренней реальностью. То, что насъ связываетъ неразрушимыми узами съ еврействомъ, это наша органическая сущность, наша «кровь», наша «память», которая не ограничивается сознательными воспоминаніями о лично - пережитомъ, но охватываетъ своего рода мнему, очень широкую и по времени. Въ значительной части своего существа каждый человѣкъ является продуктомъ прошлыхъ поколѣній, осадкомъ ихъ судьбы, и все то, что пережили предки, всѣ ихъ радости и страданія, ихъ борьба, побѣды и пораженія, наложили на него неизгладимую печать. Органическая основа, существо принадлежно-

сти къ определенной народной группѣ, заключается въ тѣхъ психо-физическихъ особенностяхъ, которыя — резульатъ вѣковой жизни и мысли народа — передались его теперешнимъ представителямъ. Духовная жизнь человѣка слагается изъ этихъ особенностей, съ одной стороны, и изъ той среды (природы, людей, культурныхъ формъ), которыя окружаютъ его индивидуально, съ другой стороны; нормальная, органическая, а слѣдовательно и творческая духовная жизнь возможна только при условіи совпаденія обоихъ элементовъ : «крови» и «среды». Безплодная двойственность неизбежна тамъ, гдѣ голосъ поколѣній попадаетъ въ неразрѣшимое противорѣчіе съ голосомъ современности. Въ такомъ положеніи находится теперь большинство еврейскаго народа, лишенное своей органической среды, втиснутое воедино исторію въ рамки культуры, чуждой его «крови». Современный еврей можетъ, конечно, прожить всю свою жизнь, даже не сознавъ того внутреннего противорѣчія, той глубокой двойственности, въ которой протекаетъ его духовная жизнь; творчество его будетъ неизбежно носить отпечатокъ этой двойственности. Задача заключается въ томъ, чтобы, сознавъ эту двойственность, выявить въ себѣ глубокую, органическую, неразрушимую связь съ прошедшими поколѣніями, и вставъ въ ихъ ряды, осознать себя, какъ необходимое и дѣйственное кольцо великой цѣли. Это не означаетъ, конечно, отказа отъ всей суммы тѣхъ воспріятій, которыя современный еврей получаетъ отъ внѣшняго міра. Особенность его по-

ложенія — еврейская кровь и еврейская среда — есть историческій фактъ, который невозможно ни отрицать, ни устранить однимъ волевымъ актомъ. Но отношеніе къ этому неустраняемому факту можетъ быть двойнымъ : можно изъ раба его стать его господиномъ, или пассивно ему подчиниться; стать же его господиномъ означаетъ — и не пытаясь въ бесплодныхъ усиліяхъ вырвать тѣ духовныя переживанія, которыя, хотя и не будучи еврейскими, успѣли, тѣмъ не менѣе, стать въ свою очередь органическимъ фактомъ — переработать ихъ въ своей еврейской крови, передомить ихъ черезъ призму еврейской психики. Третье по совершенію этого процесса, который предполагаетъ сознание своей еврейской «крови», можно говорить о новомъ органическомъ типѣ еврея, для котораго культура не является искусственнымъ наслоеніемъ глубокаго душевнаго субстрата, этой культурѣ чуждаго.

Въ этомъ заключается личный индивидуальный еврейскій вопросъ : въ рѣшеніи, въ выборѣ — оставаться-ли евреемъ въ цѣляхъ неосознанной или подосознанной двойственности или войти активнымъ членомъ въ общину мертвыхъ, живыхъ и еще не рожденныхъ, «кровь» которыхъ окрашиваетъ въ опредѣленный специфическій цвѣтъ всё его пріятія и переживанія. Если выборъ сдѣланъ, то «прошлое еврейства не явится уже больше прошлымъ общины, къ которой всё его принадлежимъ, но предварительной исторіей нашей жизни, для каждаго изъ насъ предварительной исторіей его собственной жизни и оно

получить для насъ совершенно иное освѣщеніе. Мы проникнемъ также и настоящимъ. Эти люди тамъ снаружи, эти жалкіе, согбенные, крадушіеся люди, не знающіе чѣмъ и зачѣмъ они будутъ живы завтра, эти тяжкодумные, почти огдушенныя толпы, переправляемыя на пароходахъ, сами не знающія, куда и зачѣмъ, — мы всѣхъ ихъ почувствуемъ не только, какъ нашихъ братьевъ и сестеръ, но каждый изъ насъ, осознавшій себя, почувствуетъ : эти люди часть меня. Я не страдаю съ ними, это я страдаю. Не моя душа съ моимъ народомъ, а **мой народъ** — моя душа. И точно также каждый изъ насъ восприметъ будущее еврейства : я хочу жить, хочу моего будущаго, хочу новой цѣльной жизни, жизни для меня, для народа во мнѣ, для меня въ народѣ».

Тотъ, кто такимъ образомъ снова примыкаетъ къ своему народу, не только даетъ новую силу народу : прежде всего и главнѣе всего, онъ освобождаетъ самого себя. Современный человекъ, современный еврей въ особенности, потерялся въ утилитарности и условности; если онъ и чувствуетъ еще вѣную вѣчности, то деградируетъ его въ переживание и «на музыку сферъ отвѣчаетъ литературой». Наибольшее несчастье, наибольшій недостатокъ современного еврея не въ томъ, что онъ «ассимилированъ» чужой культурой, а въ томъ, что онъ «атомизированъ», что онъ потерялъ связь съ своей естественной общиной, что онъ лишенъ корней, что онъ совершенно во власти своихъ произвольныхъ желаній, своей личной безсвязной, безъ-коренной жизни, что онъ по-

терялъ компасъ жизни. Кто проходитъ мимо своего еврейства, не осознавши его, кто овосприимаетъ только тѣ внѣшнія неудобства, оскорбленія, презрѣнія, которыя связаны съ еврействомъ, тотъ воспринялъ только грубое и осязаемое проявленіе еврейскаго трагизма, не проникъ въ его сущность и осужденъ пройти черезъ жизнь съ ущемленнымъ самолюбіемъ, съ медкой обидой, никогда не достигающихъ высотъ трагизма. Только тотъ, кто воспринялъ въ себя еврейство, чтобы жить имъ, расширять свою личную обиду и несчастье въ мученичество поколѣній, повышаетъ тонъ, смыслъ и цѣнность своего существованія и создаетъ новыя возможности и формы жизни.

Безплодное одиночество интеллектуализма, утилитаризмъ жизни и чувства, поверхностный рационализмъ не могутъ быть преборены тѣми, кто потерялъ и Бога и народъ. Живая истинная связь съ религіозно - творческой народной общиной, своей народной общиной, можетъ вывести отдѣльную личность изъ «міра утилитарнаго къ первоначальнымъ силамъ, отъ внѣшней жизни къ внутренней, отъ существованія въ мгновенія къ существованію въ поколѣніяхъ» — отъ относительнаго къ абсолютному, отъ безплодія къ творчеству. Отдѣльная личность со своимъ ограниченнымъ разумомъ, оторванная отъ вѣковыхъ традицій, безсильна въ духовной борьбѣ : народъ даетъ ей снова силу, поддержку, содержаніе, связь и быть можетъ, и абсолютъ. Личность входитъ въ свою народную общину, какъ активный факторъ, не теряя, а находя себя, не отказываясь отъ

своего активного индивидуального участия въ народной жизни, не подчиняясь покорно сегодня господствующимъ въ ней формамъ, ибо «народъ есть историческая реальность и нравственное задание».

Передъ евреемъ, осознавшимъ свое еврейство, неизбежно встаетъ слѣдующій вопросъ : въ чемъ же сущность еврейства, въ чемъ содержаніе того «субстрата», тѣхъ вѣковыхъ традицій, того страданія и мысли поколѣній, которыя противопоставляются «впечатлѣніямъ среды»? Что говорить ему о радости «крови», въ которой онъ долженъ найти новую силу жизни? Коренной ошибкой большинства многочисленныхъ изслѣдователей еврейства, евреевъ и не-евреевъ, являлось всегда стремленіе втиснуть еврейство въ определенную формулу, навязать ему определенное конкретное содержаніе, на вкусъ изслѣдователя одной изъ историческихъ эпохъ, въ которыхъ творчество еврейства проявилось съ особой силой. Такой подходъ къ еврейству глубоко неисториченъ : въ своей долгой жизни еврейскій народъ проходилъ многочисленные и очень различныя ступени развитія, каждая изъ которыхъ оставила свои неизгладимыя черты и въ еврейскомъ канонѣ, и въ историческихъ литературныхъ памятникахъ, и въ психическихъ особенностяхъ еврейства; каждая изъ этихъ фазъ обладала своимъ, ей исторически присущимъ и свойственнымъ конкретнымъ содержаніемъ. **Еврейство — историческій духовный процессъ, объединенный одной общей тенденціей, но съ различнымъ конкретнымъ содержаніемъ въ различныхъ историческихъ эпохи.**

Этой общей тенденціей, дающей единство историческому процессу еврейства, является еврейская религиозность. Религиозность, но не религія. Не подлежитъ ни сомнѣнію, ни спору, что въ центрѣ еврейской духовной жизни находилась и находится идея и ощущение Божества, отношеніе къ абсолюту. Съ нимъ неразрывно связаны специфическое творчество еврейства и въ немъ его специфическая духовная сила. Дифференціаліи силъ, свойственная почти всѣмъ другимъ народамъ, чужда еврейству, психика и интеллектъ котораго сконцентрированы вокругъ абсолютна. Элементы внѣ-религиозные или периферны или какимъ-то образомъ, какимъ-то путемъ все-таки определяются религиозностью или отъ нея зависятъ; какія-бы внѣшнія формы они на принимали. Но религиозность не есть религія. Религиозность, въ частности, еврейская религиозность, это вѣчно обновляющееся, непрерывно творческое ощущеніе человѣкомъ господствующаго надъ его условностью и изъ этой-же условности рождающагося абсолютнаго, ощущеніе его близости къ абсолюту и стремленіе войти въ максимальную тѣсную съ нимъ связь, въ нерушимое общеніе и осуществити его, дѣломъ, въ мірѣ людей; религія — это сумма нормъ, ученій, формъ, въ которыхъ нашла свое выраженіе религиозность определенной эпохи. Религиозность является такимъ образомъ творческимъ принципомъ, осужденнымъ вести непрерывную борьбу съ принципомъ нормативнымъ и консервативнымъ, съ религіей; законченъ извѣстный періодъ борьбы, новыя формы религіи выразили въ себѣ итогъ

этой борьбы и на завтра, передъ лицомъ безпрерывно творящей религіозности, эти нормы являються уже устарѣвшими для новаго религіознаго чувства, онѣ уже не проявленія, а цѣли религіозности и борьба начинается заново. Религія жизненна только покуда она продуктивна, т. е. покуда религіозность заполняетъ безпрерывно новымъ содержаніемъ ея нормы и предписанія; религія перестаетъ быть жизненной, когда ея нормы превращаются въ самоцѣль, когда формы настолько потеряли свою эластичность, что религіозность болѣе въ нихъ не вмѣщается.

Борьба между этими двумя принципами — между религіозностью и религіей, совершенно неизбежная и въ другихъ религіозныхъ концепціяхъ и у другихъ народовъ, принята въ еврействѣ особо острыя формы въ силу еврейскаго разсѣянія и необходимости постоянной борьбы еврейства за свое дальнѣйшее существованіе. Въ этой борьбѣ наибольшая роль выпала на долю религіозныхъ нормъ. Всѣ усилія еврейскаго народа пошли на усовершенствованіе, на болѣе детальное и утонченное развитіе этихъ нормъ, которыя вытѣснили въ концѣ концовъ изъ официальной синагоги свободное воспріятіе и ощущение абсолюта, религіозность. Соперничество религіи и религіозности начадось, правда, еще въ Палестинѣ, но уже въ условіяхъ, имѣющихъ общія черты съ теперешнимъ положеніемъ еврейства, въ условіяхъ поколебавшейся національной самостоятельности и угрозы поглощенія болѣе могучими сосѣдями. Но тогда, какъ въ Палестинѣ соперничество разыгры-

валось открыто и представители религіозности, пророки такъ же органически входили въ еврейскую жизнь, какъ и представители нормирующаго принципа — священники, въ эпоху по-палестинскую религіозность была загнана въ подполье, ея носителями являлись только одинокіе еретики; ея ученіе и традиціи передавались долгое время изустно, тайно и только нѣсколько разъ въ исторіи еврейскаго разсѣянія религіозная страсть народа достигала такого напряженія, что прорывала стѣны и цѣли, построенныя канонами еврейскому духу. Такъ приходится различать двѣ формы еврейской религіозной жизни — еврейство каноническое, раввинское, официальное и еврейство подпольное, мистическое, ведущее свое начало отъ рахобитовъ, пророковъ, ессеевъ, до-христіанскихъ общинъ, первоначальнаго христіанства, черезъ агаду, каббалу и средневѣковья мессіанскія движенія, до огромнаго народнаго движенія, охватившаго въ XVIII вѣкѣ значительную часть восточно-европейскаго еврейства — хасидизма. Иначе говоря: исторія развитія еврейской религіи есть исторія борьбы между естественной мифически — монотеистической религіей народа и интеллектуальной рационально — монотеистической религіей раввиновъ. Совершенно не вѣрно, что монотеизмъ и мифъ взаимно исключаютъ другъ друга; въ дѣйствительности, всякій живой монотеизмъ полонъ мифомъ, т. е. рассказомъ о «божественномъ событіи, какъ чувственной дѣйствительности». Для еврейской же религіозности съ ея непосредственнымъ воспріятіемъ Бога нѣтъ ничего, ни явле-

нія природы, ни наиболѣе мелкаго событія внѣшне бѣдной обыденной жизни, что находилось бы внѣ абсолюта, внѣ божественнаго духа и воли. Если для индуса или платоника мифъ является метафорой, то для еврея онъ — истинный рассказъ о проявленіи Бога на землѣ.

Для изслѣдователей истиннаго народнаго еврейскаго духа традиціи «подземнаго» еврейства, конечно, несравненно цѣннѣе, чѣмъ тѣ нормы, которыя сохраняютъ раввинизмъ. Основныя тенденціи еврейской религіозности трудно однако понять, если не вспомнить восточнаго происхожденія еврейства и стало быть восточныхъ корней его религіозности. Какъ разъ въ специфической сферѣ еврейства, въ сферѣ религіознаго творчества, между Востокомъ и Западомъ пррходитъ глубокая борозда. Ни одно изъ великихъ религіозныхъ ученій не было создано на Западѣ, который только воспринималъ ихъ, приспособляя къ своей психикѣ и своему чувству, часто извращая ихъ до неузнаваемости; центромъ религіознаго творчества былъ всегда Востокъ. Специфическія черты человѣка Востока, въ особенности его глубокое, неискоренимое тяготѣніе къ единству и его отношеніе къ міру, какъ къ чему то, что совершается въ немъ самомъ, дѣлаютъ его религіозно творческимъ. Западу, при всемъ блескѣ той культуры, при всемъ религіозномъ напряженіи тѣхъ отдѣльныхъ глубокихъ натуръ, которыя онъ далъ, не хватаетъ концентраціи, не хватаетъ пафоса исключительности, убѣжденности въ томъ, что «единое на потребу». Всѣ великія религіи Востока

сходятся въ томъ, что міръ долженъ быть не только познать, но и реализованъ; міръ не только данъ, онъ является также и «заданіемъ». Для Запада существенно какъ построенъ, изъ чего созданъ міръ, для Востока существенно «дорога», употребляя терминъ буддистовъ, которые говорятъ о своемъ учителѣ: «онъ не училъ вѣченъ или преходящъ міръ, онъ училъ дорогѣ». Одинъ изъ величайшихъ моральныхъ гениевъ Запада, Сократъ, также понималъ значеніе «дороги» и хотѣлъ ей учить, но у него не доставало чувства высшей жизненной правды, чувства родного Востоку: внутренняя судьба міра зависитъ отъ акта, дѣйствія, рѣшенія отдѣльнаго человѣка въ такой степени и мѣрѣ, которыхъ никто не въ состояніи опредѣлять.

Міръ нуждается въ человѣкѣ для того, чтобы быть осуществленнымъ; внутренней смыслъ міра разбить и полоненъ его внѣшними формами и проявленіями — объединить и освободить его можетъ только духъ человѣческій и въ этомъ и только въ этомъ смыслъ и сила человѣческаго существованія. Бытіе раздвоено: на да инѣтъ, говоритъ китайская формула, на добро и зло — персидская, на истинный міръ и видимость — индусская. Человѣкъ призванъ привести бытіе изъ раздвоенія къ единству. Въ этомъ стремленіи къ единству и въ центральномъ мѣстѣ, предоставленномъ въ этомъ стремленіи духу человѣческому, вѣчно величіе Востока, еще увеличивающееся отъ того, что Востокъ требуетъ недремѣннаго проведенія въ жизнь своего ученія — будь то въ оди-

ночествѣ или соборности, въ тиши или борьбѣ.

Изъ этихъ восточныхъ корней еврейская религіозность питается и по сей день и сохранила въ неприкосновенности основныя ихъ черты. Болѣе того: нѣкоторые элементы Востока въ еврей проявлены съ особой силой и яркостью. То стремленіе къ единству, которое свойственно всему Востоку, сказывается особенно въ еврей и въ его творчествѣ, ибо раздвоенность міра онъ ощущаетъ не только внѣ себя, въ мірѣ, въ отношеніи между міромъ и субъектомъ, но прежде всего и главнѣе всего въ самомъ себѣ, въ своей собственной душѣ. Въ каждомъ еврей живутъ разнородныя стремленія, два полюса, да и нѣтъ, въ непрерывной борьбѣ другъ съ другомъ; еврейская исторія даетъ поражающіе примѣры глубочайшаго паденія и высочайшаго подъема и при томъ не только въ различныя эпохи, которыя можно было бы разсматривать, какъ эпохи упадка и подъема, но въ однихъ и тѣ же эпохи, въ томъ же самомъ человѣкѣ. «Никто не можетъ понять въ такой степени, какъ еврей, что значитъ быть соблазняемымъ самимъ собой». «Савль изъ Тарса выразилъ это переживаніе въ потрясающе простыхъ словахъ: Потому что добра, котораго я хочу, я не дѣлаю, а зло, котораго я не хочу, я дѣлаю». И потому единый міръ долженъ быть построенъ прежде всего въ человѣкѣ самомъ и въ немъ заложенъ какъ «воля Бога»; еврейское понятіе «грѣха» совпадаетъ съ понятіемъ раздвоенности, дуализма. Переживая въ самомъ себѣ съ необыкновенной силой раздвоенность міра, еврей

съ необыкновенной же силой переживаетъ стремленіе къ единству — къ «единству въ отдѣльномъ человѣкѣ, къ единству между частями народа, между народами, между человѣчествомъ и всѣмъ живымъ, между Богомъ и вселенной». Стремясь къ единству, еврей создалъ изъ раздвоенія личности идею единого Бога, изъ раздвоенія человѣческой общины идею всеобъемлющей справедливости, изъ раздвоенія всего живого идею всеобъемлющей любви. Борьба за единство разыгрывается прежде всего въ душѣ отдѣльнаго еврея и потому «какъ рѣшенія», покаянія, обращенія играетъ въ еврейской религіозности огромную роль. «Актъ рѣшенія является осуществленіемъ божественной свободы и безусловности на землѣ». Каждый еврей долженъ начинать эту борьбу съ начала, это — заданіе извѣчно на него наложенное, въ которомъ ему не можетъ помочь никакой посредникъ, ничто уже совершенное другимъ — каждый изъ собственной тьмы и собственной условности долженъ начинать борьбу за божественную свободу и безусловность: за единство своей собственной души, неба и земли, Бога и человѣчества, идеи и факта, политики и морали.

Отсюда прямой переходъ къ другой основной идеѣ еврейства, къ тенденціи дѣйствія, осуществленія. Дѣйствіе, какъ выборъ, какъ рѣшеніе, какъ результатъ обращенія и покаянія имѣетъ для еврейства, какъ отчасти и для всего Востока, абсолютное значеніе. На поверхностный взглядъ всякое дѣйствіе вставлено въ желѣзныя рамки причинности, но на самомъ дѣлѣ оно глубоко и мистически

влияетъ на судьбу міра, и если оно проникнуто своей божественной цѣлью, единствомъ, то оно свободно и могущественно, какъ дѣйствіе Бога. Въ безусловности своего дѣйствія человекъ переживаетъ общеніе съ Богомъ и потому то «истинная религіозность не имѣетъ ничего общаго съ грезами мечтательныхъ сердецъ, съ эстетизирующимъ самодовольствомъ, съ тонкой игрой искушенной интеллектуальности; оно — дѣло». Дѣйствіе для еврея болѣе существенно, болѣе реально, болѣе истинно, чѣмъ переживаніе. «Эта тенденція означаетъ, что истинная жизнь человечества — жизнь предъ лицомъ Бога. Богъ для еврейства не кантіанская идея, но элементарно данная сущность — не измышленная чистымъ разумомъ, и не постулированная ирацистическимъ разумомъ, — непосредственность Бытія, «тайна непосредственности». Заданіе еврейства никогда не заключалось въ рациональномъ постиженіи Духа или его передачѣ въ опредѣленныхъ формахъ и образахъ, но въ его осуществленіи. «Истина какъ идея и истина какъ форма, истина философскаго изысканія и истина произведенія искусства никогда не могли удовлетворить еврея: его цѣлью является истина какъ дѣйствіе». «Въ реализаціи — тайна союза между Богомъ и человекомъ». Въ мистическихъ ученіяхъ еврейства дѣйствіе, осуществленіе достигаетъ такого значенія, что, черезъ сотрудничество съ Богомъ, начинается уже даже обуставливать самое его существованіе, «спасеніе Бога».

Еврейская теократія по заданію своему отнюдь не является господствомъ священниковъ, но стре-

мленіемъ къ общинѣ, реализующей Бога и непосредственно къ нему близкой, такъ же какъ мессіанство, одинъ изъ болѣе глубокихъ продуктовъ еврейской религіозности, въ которомъ синтезировались тенденціи единства и осуществленія, является собственно творческимъ проявленіемъ отчаянія пророковъ осуществить божественное въ непосредственно близкомъ будущемъ, сегодня же. Мессіаниззмъ не означаетъ противопоставленія царства божьяго царству людей, но проэцію въ абсолютномъ будущемъ царства человеческого какимъ оно должно быть. Въ мессіанизмѣ еврейская религіозность достигла одной изъ своихъ вершинъ: «въ будущемъ, въ сферѣ вѣчно далекой и вѣчно близкой, убѣгающей и неподвижной какъ горизонтъ, въ царствѣ будущаго, въ которое осмѣливаются проникнуть только играющіе, колеблющіеся, неопредѣленные сны, еврей построилъ домъ для человечества, домъ для истинной жизни. Все то, что боролось до того въ человечествѣ, какъ тяготѣніе, надежда и желаніе, вокругъ чувства будущаго, было относительно: можетъ быть будетъ такъ, въ близкомъ будущемъ, въ далекомъ будущемъ, а можетъ быть и не будетъ такъ — его прибытія желали, его видѣли во снѣ, но кто зналъ — придетъ ли оно, и кто осмѣливался вѣрить въ него, когда въ окно смотрѣлъ холодный ясный день? Здѣсь же, въ еврействѣ, совершилось нѣчто по существу своему совершенно отличное; здѣсь будущее не могло, но должно было прійти, каждый моментъ ручался за него, въ немъ ручались и кровь и сердце Бога; и

придетъ оно, это будущее, не въ близкомъ времени, не въ далекомъ времени, а когда исполнятся времена и сроки, въ концѣ дней, въ абсолютномъ будущемъ. И то, что должно было прийти, было часто чѣмъ то относительнымъ, освобожденіемъ мучимаго народа и его объединеніемъ вокругъ святилища Бога, но на высотахъ оно было абсолютнымъ, спасеніемъ, избавленіемъ духа человѣческаго и исцѣленіемъ міра, и то, другое, относительное, понималось только какъ средство къ этому абсолютному».

Тенденція единства, абсолютнаго будущаго и дѣйствія, осуществленія, не исчерпываютъ еще собою еврейской религіозности; ихъ примѣненіемъ, ихъ воплощеніемъ, увѣнчаніемъ является наиболѣе оригинальная, наиболѣе глубокая тенденція еврейства — **соборность, общинность еврейскаго религіознаго духа.** Для еврейства истинная человѣческая жизнь есть жизнь предъ лицомъ Бога. Но «не тотъ живетъ предъ лицомъ Бога, кто отворачивается отъ міра вещей и смотритъ въ забытіи на солнце, но тотъ, кто дышетъ и живетъ въ свѣтѣ солнца. Кто отворачивается отъ земли, тотъ постигаетъ Бога только какъ идею, а не какъ дѣйствительность, у того Богъ — переживаніе, а не жизнь. Божественное можетъ пробудиться въ отдѣльной личности, можетъ достигнуть въ ней своего проявленія, но полноты своей достигаетъ только когда отдѣльная личность... входитъ другъ съ другомъ въ общеніе... когда между ними царитъ непосредственность, когда раскрывается великолѣпная тюрьма личности и человѣкъ освобождаетъ человѣка... истинное

мѣсто осуществленія — соборность и истинная соборность тамъ, гдѣ божественность осуществляется среди людей». На доктринѣ «божеской общины» основано призваніе еврейства, она издавна жила въ еврействѣ не какъ слово, а какъ живая тенденція, проникающая собой всю еврейскую исторію. «Стремленіе еврейства къ Богу есть стремленіе осуществить божественное въ общинѣ; его чувство избранности есть чувство своего призванія осуществить истинно соборную жизнь; его ожиданіе Мессіи есть ожиданіе истинной общины. Въ одной всеобщей тенденціи — осуществить божественное начало во взаимной жизни людей — сливается для еврейства національное съ социальнымъ, вѣра съ этикой, жизнь съ идеаломъ».

Богъ и соборность сливаются въ одно — люди, стремящіеся къ божественному, стремятся къ истинной справедливости общинной жизни; люди, стремящіеся къ справедливой общинной жизни, стремятся къ Богу. Вѣ осуществленія Бога для людей «исканіе Бога» есть пустая и вредная болтовня о Богѣ эстетовъ и утонченныхъ интеллигентовъ. Богъ не можетъ быть найденъ, ибо онъ не «существуетъ», но онъ можетъ быть осуществленъ и «когда люди захотятъ, чтобы Богъ былъ, они построятъ общину», первую реальную ячейку соборности*).

*) Изъ такихъ, все болѣе расширяющихся но сохраняющихъ непосредственность человѣческихъ отношеній, ячеекъ, должно быть построено новое здание будущаго человечества. Ни общество — упорядоченная разрознен-

Съ огромнымъ напряженіемъ, съ неисчислимыми жертвами, черезъ неудачныя революціи — неудачныя потому ли, что въ свсей разрушительной бурѣ онѣ вырываютъ вмѣстѣ съ отжившимъ и гибельнымъ, также и живые ростки истинной соборности, потому ли, что въ стремленія щадить эти ростки, онѣ оставляютъ невыполотыми и ядовитыя травы отмершаго — человѣчество стремится къ истинной соборности и въ необычайной трудности задания заключается и парадоксальность положенія еврейства. Работа надъ совершеннымъ человѣческимъ обществитіемъ никогда не можетъ остановиться, оглянуться на сдѣ-

ность, сдерживаемая вмѣстѣ насиліемъ, договоромъ, условностью, общественнымъ мнѣніемъ, ни централизованное государство, ни современный эсциализмъ, еще увеличивающій мощь государственнаго механизма, какъ все охватывающей силы, не могутъ удовлетворить стремленія къ истинной общинности, не могутъ повести къ «освобожденію дѣйствительной жизни между человѣкомъ и человѣкомъ». Механизмъ можетъ быть доведенъ до совершенства, но клѣтки отъ этого не оживутъ, а подвергнутся еще большей опасности. «Только извнутри, при помощи оживленія клѣточной ткани, можно прийти къ обновленію. Община во всѣхъ ея формахъ должна быть наполнена новой реальностью, реальностью непосредственныхъ, чистыхъ справедливыхъ отношеній между человѣкомъ и человѣкомъ, между людьми и людьми, дабы изъ союза истинныхъ общинъ возникло истинное общество»...

ланное; она безконечна и ей противодѣйствуютъ пассивность и рабство человеческой толпы, демагогія и доктринерство вождей, власть господствующихъ силъ. Еврейство безустанно билось надъ этимъ заданіемъ, его необычайными трудностями объясняется и внутренняя исторія его классическаго періода, а отчасти и разсѣянія, ему въ жертву оно принесло, въ извѣстной степени, и свою государственную независимость; имъ вдохновляется его социальное законодательство, его мистическія ученія, оно проникаетъ его отношеніе къ абсолюту, имъ же питается современное національное движеніе.

Если таковы традиціи еврейства, то приходится констатировать, что современное еврейство, къ какимъ бы лагерямъ оно ни принадлежало, далеко отошло отъ нихъ и не достойно своего великаго послѣдства: вѣяніе абсолютнаго пафоса рѣшенія и выбора, покаянія и новой жизни, духъ соборнаго социальнаго строительства во имя божественной родины, во имя непосредственной близости къ Богу, если и проявляются еще въ одиночкахъ, то потеряны еврействомъ въ цѣломъ. Прекратился великій духовный процессъ еврейства и на пути его возстановленія стоятъ не столько внѣшнія препятствія, ненависть, преслѣдованія, отсутствіе національнаго центра, сколько то внутреннее рабство, подъ которое еврейство подпало въ силу своего двухтысячелѣтняго разсѣянія и вынужденной жизни среди другихъ народовъ, въ атмосферѣ компромисса и «договора». Еврейство связываетъ въ его твор-

чество гетто и изгнание, но не какъ вѣшніе, а какъ внутренніе его враги; гетто — средство защиты — не свободная духовность, религиозность превращенная въ ритуализмъ, абсолютъ какъ средство поддержанія жизни народа, принудительность традиціонныхъ нормъ, потерявшихъ свой смыслъ, вѣчно новое стремленіе къ божественному удовлетворенное выполненіемъ опредѣленныхъ обрядовъ; изгнание — приспособленіе — рабство непродуктивного денежнаго хозяйства, «которое должно было дать возможность народу продолжать его существованіе подъ вѣшнимъ давленіемъ, но которое извратило специфическую область осуществленія — жизнь съ людьми... Ибо гдѣ деньги не мѣновой знакъ, а разъединяющая и развращающая субстанція между людьми, тамъ невозможна непосредственность между людьми... Наиболее глубокаго паденія еврейство достигло тамъ, гдѣ совпадаютъ обѣ формы вырожденія, гдѣ религиозныя формы до такой степени отдѣлены отъ ихъ первоначальной почвы, что могутъ переносить сосѣдство наиболее низкихъ формъ вырожденія капиталистическаго духа. Отвратителенъ ростовщикъ войны, которому не приходится обманывать Бога, ибо онъ его не знаетъ, и еврейскій отвратительнѣе не-еврейскаго, ибо глубже палъ; но трепеть ужаса вызываетъ во мнѣ тотъ, кто обманываетъ Бога, котораго онъ знаетъ»...

Освобожденію изъ вѣшняго гетто и изъ изгнанія для того, чтобы оно не было безплодно, должно предшествовать освобожденіе изъ гетто и изгнанія внутрення-

го; духовный процессъ еврейства долженъ быть начатъ заново, — въ противномъ случаѣ еврейство осуждено и въ будущемъ — несмотря на всяческія формы освобожденія, будь это гражданская и національная эмансипація, будь это возстановленіе еврейской Палестины — влачить то же «нереальное, видимое» существованіе, которое оно ведетъ въ теченіе послѣднихъ столѣтій. Заданіе заключается не въ томъ, чтобы улучшить положеніе отдѣльныхъ евреевъ, а чтобы спасти отъ распада и все болѣе глубокаго паденія опредѣленную форму человѣческой психики и чувства, еврейство. Въ еврействѣ должно совершиться коренное обновленіе и оно не можетъ заключаться въ чемъ либо другомъ, какъ въ обновленіи еврейской религиозности, въ возстановленіи античныхъ сокровищъ, возстановленіи освященномъ и освѣщенномъ всеміемъ, что еврейство пережило, перестрадало, передумало за долгіе вѣка своего духовнаго рабства. «Въ чемъ бы и какъ бы другіе народы ни находили свое спасеніе, для еврейства его нѣтъ внѣ живой силы, съ которой оно всегда было связано и благодаря которой сохранилось».

Увѣренность въ возможности обновленія основывается на томъ, что въ существѣ своемъ несмотря на всѣ извращенія его первоначальной природы, вызванной жизнью на Западѣ и особыми условіями этой жизни, еврей остался и по сей день человѣкомъ Востока и это его происхожденіе можно прослѣдить въ типѣ и въ характерѣ дѣятельности почти всѣхъ евреевъ, даже далеко отстоящихъ отъ еврейства и, по

внѣшности, отъ Востока. «Еврей сохранилъ въ себѣ безбрежность Востока...; его элементарное стремленіе къ единству и имманентное гребованіе; въ современномъ еврей черты эти иногда глубоко зарыты, иногда носятъ слѣды вырожденія, но никогда не подавлены совершенно... Они живутъ съ особенной яркостью въ еврейскихъ массахъ восточной Европы, бѣдныхъ цивилизованной внѣшностью, но богатыхъ, несмотря на начинающуюся развалъ и разрушеніе, мощью первоначального этоса и непосредственного духа. Надо видѣть эпитона прежнихъ хасидовъ, но все еще въ высшей степени примѣчательнаго хасида нашихъ дней; надо видѣть его молящихся Богу, потрясаемаго религиозной страстью, всѣмъ своимъ тѣломъ говорящихъ то же, что говорятъ его уста, образъ грогтеска и высокаго вмѣстѣ; надо видѣть его справляющимъ съ королевскими жестами и съ сосредоточенной святостью священную трапезу исхода субботы, въ которой зависятъ тайны спасенія міра; и невольно чувствуется: здѣсь живетъ, пусть измелъченная, извращенная, но все еще азіатская мощь и азіатская проникновенность».

Нужно только, чтобы этой азіатской сущности еврейства дана была возможность новаго свободнаго проявленія, чтобы еврейство, вновь нашедшее себя и свершившее свое внутреннее обновленіе, могло выйти изъ гетто и изъ изгнанія. Въ послѣднее время все чаще звучать голоса и среди еврейства, достаточно частые уже и раньше въ еврейства, указывающіе, что путь къ религиозному обновленію еврейства можетъ ит-

ти черезъ его сближеніе съ христіанствомъ. Приходится различать между первоначальнымъ, палестинскимъ христіанствомъ, проповѣдникомъ и мученикомъ котораго былъ Іисусъ, и официальной церковью Европы, заложеной Павломъ и перенявшей въ себя греческіе и римскіе элементы. Правда, первоначальнаго христіанства, возникшаго на еврейской землѣ, проповѣдуемаго евреями и евреями, правда «абсолютнаго дѣла», «царства божья», которое является ничѣмъ инымъ, какъ совершенной общиной, и потому непосредственнымъ господствомъ Бога, его «земнымъ царствомъ» — есть еврейская правда и проникнуться ею вернуться къ истинному еврейству. Но правда исторической христіанской церкви, созданія Павла, правда неисцѣлимаго первоороднаго грѣха, непримиримаго дуализма между волей человека и милостью божьей, спасенія черезъ милость и вѣру, а не черезъ усиліе и дѣло самаго человека, эта правда находится въ полномъ противорѣчій съ основными тенденціями еврейской религіозности.

Еврейство должно стало быть для того, чтобы выйти изъ той жизни видимости, которую оно ведетъ теперь, въ реальную жизнь дѣла и творчества, въ жизнь осуществленія своего идеала — истинной общины, искать другихъ путей. Три пути указываются ему обычно.

Одинъ путь — вложить безповоротно и безусловно свои творческія способности, свое стремленіе къ справедливой человѣческой жизни въ общую сокровищницу аналогичныхъ человѣческихъ стремленій, разсѣяться от-

дѣльными солдатами въ обще - человеческомъ освободительномъ войскѣ. Но «гуманитъ», рекомендующіе этотъ путь, забываютъ, что народъ только тогда увеличиваетъ обще - человеческое богатство, когда творитъ изъ своего специфическаго существа, что совершенная жизнь человечества возможна только тогда, когда каждый народъ сотрудничаетъ въ ней по своимъ способностямъ, въ своемъ родѣ, что мало бороться, надо еще создавать («наше стремленіе не удовлетворяется взятіемъ Бастиліи духа, дабы освобожденный сдѣлался столь же бездомнымъ, какъ онъ бездоменъ сегодня; оно хочетъ построить духу стойкій домъ, домъ соборности») и если евреи могутъ бороться и умирать на чужихъ баррикадахъ, то ихъ созидательная сила оказывается на чужой почвѣ нерѣдко недостаточной, а иногда и отрицательной. «Исторія научила насъ, что здѣсь, въ не нами определяемой жизни разсѣянія, мы не можемъ осуществить еврейство. Мы можемъ здѣсь провозгласить его нашей вѣрой, но ничего не можемъ сдѣлать; свидѣтельствовать о Богѣ терпѣніемъ и смиреніемъ, но не творчествомъ; пѣть хвалу юбилейному году, но не провести его въ жизнь... Новое человечество нуждается въ насъ, но не въ насъ разсѣянныхъ и разрозненныхъ, а соединенныхъ и объединенныхъ. Не принимать Бога нашими словами и предавать его нашей жизнью, но вѣрно служить Богу созданиемъ человеческой общины въ его духѣ — таково заданіе данное намъ». Если отдѣльный еврей можетъ освободиться отъ разсѣянія и въ разсѣяніи, то творчество народ-

ное возможно только изъ собственного матеріала, на собственной землѣ и только на одномъ кускѣ земли, тамъ гдѣ родилось то чистое и священное, что было осквернено въ изгнаніи, въ той Азіи, «колыбели народовъ и колыбели боговъ», изъ которой еврейство черпаетъ свою творческую силу. Ныѣшній еврей больше не тотъ, что создалъ когда-то въ Палестинѣ священный Законъ, но онъ можетъ стать снова творческимъ, если пригронется къ матери - землѣ; быть можетъ, въ этой своей вновь возрожденной творческой способности еврейство сумѣетъ выполнить еще особую провиденціальную функцію, принявъ участіе въ разрѣшеніи извѣчнаго спора между Востокомъ и Западомъ, въ разрѣшеніи «азиатскаго кризиса». Еврей—восточны, но за ихъ двухтысячелѣтнее разсѣяніе въ странахъ Европы они воспріяли, пережили западную культуру и поэтому у нихъ есть данныя превратиться въ «ворота духа и жизни въ воздвигнутой исторіей стѣнѣ между возвышеннымъ континентомъ и его столь богатымъ но разрозненнымъ полуостровомъ».

Если неприемлемъ путь «гуманитовъ», то столь же отрицательную позицію приходится занять и до отношенію къ рѣшенію, указываемому «національными догматиками», тѣми, которые, соглашаясь съ необходимостью построенія своей собственной жизни на собственной землѣ, отказываются въ то-же время преуказывать еврейскому народу формы и содержаніе этого строительства, предоставляя ихъ выявленіе свободнымъ національнымъ инстинктамъ свободнаго еврейскаго на-

рода. Это приспособленіе къ нынѣ господствующей теоріи націи, какъ абсолюта, не можетъ быть основой еврейскаго обновленія при всемъ признаніи значенія націи, какъ « основной реальности человѣческой жизни »; ни одинъ народъ на землѣ не можетъ и не долженъ почитать себя абсолютъ, абсолютъ только Духъ, единый и недѣлимый. Истинное возрожденіе не можетъ выйти изъ чисто національных тенденцій и его цѣлью не могутъ быть специфическія формы, но специфическое содержаніе, національныя формы которыхъ приложатся сами собой. «Возрожденіе еврейскаго народа станетъ совершившимся фактомъ только тогда, когда національное и человѣческое, жажда освобожденія и стремленіе къ спасенію, тяготѣніе къ собственной землѣ и тяготѣніе къ истинной соборности сольются въ одно цѣлое»; только тогда, когда въ свои вожди и руководители еврейскій народъ возьметъ единый и недѣлимый духъ.

Но духъ истиннаго еврейства и истинной соборности не говоритъ болѣе изъ тѣхъ опредѣленныхъ и разъ навсегда данныхъ нормъ и фермъ, въ которыя еврейское изгнаніе пыталось его заковать. Для «религиозныхъ догматиковъ» Богъ создалъ однажды и съ тѣхъ поръ пребываетъ въ покоѣ, однажды проявился и съ тѣхъ поръ замолчалъ, — «для насъ же онъ тотъ, о которомъ народъ говоритъ, что онъ каждодневно возобновляетъ творческую работу... Намъ онъ говоритъ изъ неопалимой купины современности—болѣе великое, чѣмъ слова». Въ вѣчно новой борьбѣ между еврейской религіозностью и еврейской

религіей, творчество предоставлено религіозности.

Такъ выясняется истинный путь, могущій вывести еврейство въ действительную жизнь, путь, ведущій черезъ Сіонъ къ обновленію человѣческой общины. Возстановленіе традицій и тенденцій еврейской религіозности, проникновеніе ими отдѣльнаго еврея, проведеніе ихъ въ жизнь въ Палестинѣ, такова программа новаго еврейства. «Если мы познаемъ нашу внутреннюю исторію, память еврейской воли осуществленія, то ея имманентные принципы представляются намъ, въ мірѣ объемлющихъ чертахъ, въ слѣдующемъ видѣ:

соборность, какъ осуществленіе божественнаго въ совмѣстной жизни, данная Богомъ только общинѣ, но не отдѣльному человѣку;

трудъ, какъ постоянно возобновляющийся союзъ человѣка съ землей, освященный въ службу Бога, когда онъ совершается въ свободно жертвенной службѣ общинѣ;

помощь, взаимная помощь тѣла и души, какъ взаимная поддержка, взаимное освобожденіе людей, оказываемая во имя и ради осуществленія и въ такомъ случаѣ оказываемая воистину Богу;

руководительство, какъ служба наиболѣе богатыхъ помощью и наиболѣе къ ней способныхъ, выполняемая по порученію Бога, единственнаго господина, не людьми, специализировавшимися въ духѣ, которые нисходятъ къ землѣ, но свѣтскими, освященными духомъ; община въ ея многообразныхъ проявленіяхъ, мѣстная община, кооперативъ, товарищество, братство, какъ клѣточное единство

всякой соборности, въ которой непосредственная связь между людьми облекается въ длительную форму; община — носительница божественнаго;

общество, какъ союзъ жизнеспособныхъ, исполненныхъ осуществленія общинныхъ клѣтокъ, сближающихся другъ съ другомъ въ той же непосредственности, что царитъ внутри ихъ, на общинновладѣемой землѣ, въ общинноорганизованномъ трудѣ, въ системѣ взаимной помощи, руководимое тѣми, кто проявить себя въ естественномъ подборѣ этой системы, какъ дающіе наибольшую помощь; человечество, какъ союзъобществъ, сближающихся другъ съ другомъ въ духѣ той же непосредственности;

духъ, какъ пророческій учитель вѣрности и обновленія : учитель вѣрности осуществленію и его законамъ, привязанности къ учреждениямъ, которыя служатъ истинной соборности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хранитель обновленія — социальной динамики, дабы всѣ учреждения и формы соборности обновлялись въ вѣчномъ ритмѣ, дабы они не застыли и мертвое не правило бы живымъ;

но превыше всего имя Безымяннаго, цѣли всякаго осуществленія...

Въ одномъ словѣ могутъ быть объединены эти принципы, въ одномъ лозунгѣ : изнутри. Новое не можетъ быть насажено, если у страны срывать съ головы автократической строй и напаяливать коммунистической, между тѣмъ, какъ отношенія между человѣкомъ и человѣкомъ остаются тѣми же и остаются тѣми же и методы власти. Измѣниться должны отношенія между людьми, да-

бы изъ нихъ произошло измѣненіе общества, истинное возрожденіе. Наша надежда коренится въ вѣрѣ, что въ поколѣнія евреевъ, возвращающихся на родину въ этотъ моментъ нашей исторіи, послѣ столькихъ потрясеній и движимыхъ столь напряженной рѣшимостью, условія для измѣненія этихъ отношеній повышены до небывалой силы.

При изложеніи идей Бубера мнѣ пришлось опустить все то, что, характеризуя его обще-философскія и общесоциологическія воззрѣнія, не имѣетъ прямого отношенія къ его концепціи еврейства. Это дѣленіе нѣсколько искусственно и неизбежно оставило бы въ моемъ изложеніи значительный пробѣлъ, если бы отношеніе Бубера къ еврейству не было органически связано съ его обще-философскими идеями, которыя, стало быть, могутъ легко угадываться и изъ моего изложенія.

Изъ Буберовской концепціи еврейства мнѣ пришлось опустить, кромѣ того, много чрезвычайнаго характернаго, но болѣе второстепенныхъ чертъ, чтобы остановиться на томъ, что мнѣ казалось наиболѣе существеннымъ, какъ пришлось умолчать о богатой иллюстративной части Буберовской доктрины, каждое положеніе которой документировано у него многочисленными примѣрами изъ еврейской исторіи и еврейской современности, тогда какъ въ моемъ изложеніи эти положенія носятъ нѣсколько догматической характеръ и могутъ показаться произвольнымъ привнесениемъ въ еврейство и приписываніемъ ему идей, въ дѣйствительности для не-

го не характерныхъ; этотъ пробѣлъ въ моемъ изложеніи тѣмъ болѣе чувствителенъ, что Буберъ является не только идеологомъ новаго еврейства, но и изслѣдователемъ, при чемъ его вниманіе естественно останавливалось въ особенности на « подземномъ » еврействѣ; его изслѣдованія хаизма, наиболѣе могучаго народнаго движенія еврейства разсѣянны, являются наряду съ работами Дубнова и Городецкаго, рѣшающими въ оцѣнкѣ значенія и смысла этого движенія.

Если попытаться резюмировать въ нѣсколькихъ фразахъ отношеніе Бубера къ еврейству, то получится приблизительно слѣдующая схема: отдѣльная личность сильна, продуктивна только въ органической связи со своимъ народомъ, и слабость современнаго еврейства заключается въ частичной или полной потерѣ этой связи; еврей можетъ снова стать продуктивнымъ и творческимъ, только найдя снова дорогу къ вѣковымъ тенденціямъ еврейства и переживая ихъ какъ свои собственныя; эти тенденціи проявляются съ чистотой и ясностью не въ религиозныхъ нормахъ, временной оболочкѣ определенной исторической фазы еврейскаго духовнаго процесса, пріобрѣтшей по историческимъ причинамъ преобладающее значеніе, а въ Востокомъ определенной еврейской религіозности; основныя тенденціи этой религіозности заключаются въ непосредственномъ ощущеніи божества въ стремленіи къ единству, въ стремленіи къ осу-

ществленію божественнаго на землѣ; въ абсолютной увѣренности, что это осуществленіе совершится, «когда исполнятся времена и сроки»; въ центральномъ значеніи «рѣшенія», «выбора» отдѣльной личности въ судьбѣ божественнаго въ мірѣ; въ убѣжденіи, что божественное въ мірѣ людей не можетъ быть осуществлено отдѣльнымъ человѣкомъ, а нуждается въ общинѣ, въ соборности.

Буберовская концепція не могла не оказать чрезвычайно сильнаго вліянія на еврейскую идейную жизнь послѣднихъ десятилѣтій. Обращаясь прежде всего къ еврейской личности, выясняя ей, что ея личное индивидуальное освобожденіе заключается въ соединеніи съ еврейскимъ народомъ, выясняя истинную роль и значеніе « официального » еврейства, его нормъ и догмъ, и вскрывая глубокіе тайники настоящей еврейской традиціи, столь человѣчныя, широкіе и вѣчные; связывая новое еврейское творчество съ общечеловѣческимъ, сливая ихъ въ одно, Буберъ соединяетъ органическими узами еврейскую исторію съ еврейской современностью, Библию и гетто съ возрождающейся новой еврейской культурой и возрождающейся Палестиной, вновь пробуждаетъ уснувшее чувство Божественнаго, загнанную въ подполье еврейскую религіозность и въ осуществленіи одухотвореннаго, человѣчнаго, справедливаго социальнаго идеала указываетъ ей ея естественное примѣненіе.

М. Бейлинзонъ.